

Кабардино-Балкария

Составлено в ноябре 2013 г.

Авторы: С. Филатов

Сбор материалов: Р. Лункин, С. Филатов, М. Рошин

Особенности исторического развития религии

Проникновение России на территорию будущей КБР начинается с середины XVI в. — именно тогда кабардинский князь Темрюк Идаров заключил военный союз с Московским государством. В 1561 г. Иван Грозный женился на дочери Темрюка Гошене, которая приняла крещение с именем Мария. В 1711 г. Петр I дал грамоту кабардинскому народу о принятии его в российское подданство.

В современном религиозном сознании кабардинцев сохраняются некоторые элементы древней религии адыгов (черкесов), а также христианства, под влиянием которого они находились в средние века, и ислама¹.

До сих пор в ущельях Кабарды можно увидеть сосны, увешанные разноцветными лентами — знак почитания местными жителями священной природы. После проникновения в Кабарду ислама Эльбрус стали считать местом обитания Джина-падишаха, царя духов и властителя птиц, который обладает чудесным даром предугадывать будущее. Перед каждым новым годом многие кабардинцы считают своей обязанностью совершить своеобразный «хадж» — идти на поклонение к Джин-падишаху. Но так как до вершин Эльбруса добраться невозможно, то паломники обычно направляются к урочищу Татар-туп (тагарский холм) на западном берегу Терека, на одной из стен которого когда-то были обнаружены изображения Богородицы и Иоанна Крестителя. Об удивительной живучести древних народных верований говорит, например, бытование такого обряда, как «Ханцегуа-

щэ» — вызывание дождя (во время засухи по селу носят лопату, наряженную в женское платье, в каждом доме ее обливают водой и чем-либо одаряют). Синкретичное сознание кабардинского народа хорошо отражается в народной поговорке: «Лучше уважать всех богов, чем возносить молитвы одному, а других не помнить. Ведь остальным будет обидно».

В XIX–XX вв. ряд исследователей оценивали древнюю адыгскую религию как политеистическую и были попытки составить пантеон адыгских богов. (Тхьэггьэлэдж — бог плодородия, Уащхьуэ — бог неба, Созерис — бог-покровитель хлебопашцев. Пришествия Созериса горцы ожидают и празднуют ежегодно в декабре, в одно время с праздником Рождества Христа. Ахим — бог-покровитель рогатого скота. В известное время приводят в заповедную рощу корову и привязывают там к ее рогам кусок хлеба и кусок сыра. Окрестные жители толпою сопровождают ее в рощу и закалывают там; она и называется: ахинова корова, Ахин и Чеме тлерекуо. Зейгутх — бог-покровитель наездников. Его призывают на помощь перед набегами и дальними наездами. Мезитх — бог-покровитель леса. Его молят о счастливом успехе охоты. Горцы представляют себе его едущим верхом на кабане, у которого золотая щетина. По его мановению олени и лоси собираются в лесах, и тогда девушки доят их самок. Емишь — бог-покровитель овец. Тлепс — бог-покровитель кузнецов и медицины. Ранее жил с нартами и помогал им. Он весьма уважаем в народе, так что имя его произносится и теперь в роде клятвы или божбы. Над ранеными оружием поют песни, в которых призывается помощь Тлепса к излечению страждущего. Хенегуаш — «дева вод морских». Псегуаш — «дева вод речных». К ней прибегают с молением о дожде, большей частью весной. Хятегуаш — «дева-покровительница садов», и т. д.)

Спор о характере древнеадыгской религии во многом носит идеологический характер, и в настоящее время среди кабардинцев (и вообще адыгов) господствуют представления о строгом монотеизме этой религиозной системы. В современном понимании кабардинцев дохристианская религия представляет собой монотеизм со стройной системой почитания Единого бога Тха, Тхашхо (Тхьэ, Тхьэшхуэ). В соответствии с этой интерпретацией Тхья (Тхьяшхо) — создатель мира и его законов. Тхья не вмешивается в повседневную жизнь, предоставляя человеку свободу выбора. Тхья не имеет какого-либо образа, он вездесущ, его присутствие рассеяно по всему миру. В гимнах Тхья именуется «тот, у кого все просят, сам никого не просящий», «единственный источник надежды», «источник всех истинных даров».

Почитание и благоговейное отношение к Тхья, просьбы к нему выражаются через обряды и ритуалы — Тхьэльэу (просьба к Тхья), Хьуэхьу (гимны-молитвы). Для проведения Тхьэльэу нельзя пользоваться рукотворными сооружениями (лэрыщ). Обряды проводятся в особых местах,

чаще всего это живописные рощи — Тхьэлъэуплэ, Тхьэщлагъ мэз. Кроме их основного названия используют метафорическое — чийзыхамыбз (роща, в которой ничего не срезают). Место Тхьэлъэуплэ отмечается символом в виде буквы «Т». Обряды проводят старшие в роду, общине, селении.

Важным элементом черкесской религиозной системы является вера в Души (Псэ) предков, которые имеют возможность видеть и оценивать дела их потомков. Понятие физических страданий или наслаждений в загробном мире (Хьэдрыхэ) отсутствует — есть духовное удовлетворение или муки раскаяния Души за свой жизненный путь перед собой и перед лицом предков. Поэтому задачей земного существования человека является Совершенствование Духа — сохранение чести (Напэ), проявление сострадания (Гущлэгъу), безвозмездное оказание помощи (Псапэ), что, наряду с доблестью, отвагой воина, позволяет Душе человека после смерти присоединиться к Душам предков с чистой совестью (Напэ Хужькълэ).

Души предков нуждаются в поминовении, в силу чего устраивают тризны (Хьэдэлус), практикуется жертвоприношение или приготовление поминальной пищи (Жьэрымэ), задача ее для поминания душ умерших.

Христианские источники указывают Зихию (Зихия — латинское и греческое название Черкесии) и Абазгию (северная часть совр. Абхазии до р. Кодор) объектами проповеднической деятельности двух апостолов Христа — Андрея Первозванного и Симона Кананита. С VI в. христианство утверждается в Черкесии, где и существует до крушения Византийской империи. В Черкесии образовалась многочисленная прослойка христианских священнослужителей (шоген — поп, кардан — дьякон. Шогенов и Карданов — самые распространенные фамилии среди современных кабардинцев). Первый христианский епископ (иуан) в Зихии (Черкесии) появляется в середине VI в.

Однако несмотря на тысячелетний период христианства этот период в истории Черкесии можно назвать христианским лишь условно, так как Иисус Христос (Ауш Джерыдже — Иисус Греческий), так и не став центральной фигурой пантеона, лишь пополнил черкесскую мифологию. Богом, как и в дохристианские времена, остался Великий Тхьа (Тхьашхо).

Не заменив центральную фигуру пантеона — Тхьа, христианство придавало ему антропоморфные черты через иконы — Тхьанапа (Тхьэнапэ, букв. «лик Тхьэ»).

Католичество распространялось на черноморском побережье Черкесии во времена существования геноуэзских (итальянских) торговых городов, и даже сформировалась этноконфессиональная группа черкесского народа исповедующих католичество и названных Френккардаши. На востоке Черкесии одним из центров католичества была колония в Кабарде — в селении Каррас (совр. г. Иноземцево). На протяжении IV–XVI вв. в ре-

лигиозных представлениях черкесов сочетались и тесно переплетались элементы христианства и традиционные этнические верования.

На территории Балкарии в горных ущельях Приэльбрусья христианство появилось в VI в. Считается, что его носителями стали не только аланы-асы, но и предки современных балкарцев — тюркоязычные болгары, ставшие основным населением Балкарии. Оно распространялось, прежде всего, из Византии и со стороны Таманского полуострова, однако большое значение имели также связи Балкарии с христианскими государствами Грузией, Арменией и Абхазией. Вплоть до нашествия Тамерлана в XIV в. огромное миссионерское значение имела Аланская епархия на Северном Кавказе. Ислам стал проникать в Балкарию с XVI в., но до середины XVIII в. среди балкарцев было сильно христианство, которое оказало значительное влияние на язык и обычаи народа. Несмотря на распространявшийся более энергично в XVIII — XIX вв. ислам, даже в начале XX в. в Балкарии оставались христианские селения. Знать, в основном, принимала мусульманство, а простые крестьяне оставались христианами либо язычниками. В XIX в. православная церковь пыталась организовать свою миссию среди балкарцев, не принеся заметных успехов. В XIX в. ислам стал официальной религией в Балкарии². Балкарский ислам не отличался ортодоксальностью: многие мусульманские установления нарушались, например, в пищу употреблялась свинина, исламские обряды перемешивались с народными традициями, связанными с горским этикетом — «тауадэтом». В основе тауадэта лежали языческие элементы, похожие на кабардинское язычество (так же, как и тауадэт во многом напоминает адыгэ-хабзэ).

Процесс принятия ислама адыгами был поэтапным. Анализируя результаты исторических исследований, видный кабардинский историк и социолог Арсен Мукожев следующим образом подытоживает историю исламизации Кабарды³:

Исследователи склонны полагать, что ислам стал проникать к адыгам в XIII–XIV вв. из Золотой Орды. При хане Берке были построены первые мечети и мусульманские духовные школы на территории Орды. Среди развалин средневекового города Маджары, ставшего в XIV в. крупным мусульманским центром на Северном Кавказе, были обнаружены мусульманские надписи, датированные XIII в. Однако в XIII в. конфессиональный фактор не играл существенной роли в самой Орде и ее правителям была свойственна веротерпимость. Исламизация ордынцев активизировалась с XIV в. после официального введения ислама ханом Узбеком в 1312 г. При нем миссионерская деятельность православных священников стала ограничиваться и активизировалось строительство мечетей. Возводятся они и в Центральном Предкавказье. Адыги принимали участие в войнах монголо-татарских ханов. Эти факты допускают вероятность начала исламизации адыгов в этот период. Но европейские источники XIV–XV вв. все же относят адыгов к христианам православного толка. Однако христианство было у них достаточно

поверхностным. Архиепископ Иоанн де Галонифонтибус отмечал, что адыги в XIV в. «лишь в некоторых обрядах и постах следуют грекам», пренебрегая всеми сторонами религии, так как «они имеют свои собственные культы и обряды». <...>

Важно отметить, что в 1453 г. Византия пала, а в 1475–1476 гг. господство генуэзцев в Восточном Причерноморье сменилось владычеством Османской империи и Крымского ханства. Эти два фактора положили конец деятельности христианских миссионеров как православного, так и католического толка. Вместе с тем продолжавшиеся контакты с мусульманским миром в лице народов Дагестана, Крымского ханства и Ногайской Орды способствовали дальнейшему распространению ислама среди адыгов, в частности, кабардинцев. <...> Поскольку аристократическая верхушка адыгов ко времени начала сношений с Россией уже исповедовала ислам, выезжавшие на службу в Москву черкесские князья крестились и принимали христианство. <...> Попытка же крещения адыгов, предпринятая Москвой по «челобитию» их князей, не имела успеха. Более того, уже в 80-е гг. XVI в. наблюдается усиление позиций ислама среди адыгов, и в 1588 г. кабардинские князья присягают на верность московскому царю уже не «целованием креста», а «по своей вере по мусульманскому закону».

Таким образом, во второй половине XVI в. создается неоднозначная ситуация, когда правящая адыгская аристократия ищет сближения с Россией и пытается восстановить христианскую религиозную традицию, а исламизация в то же время набирает темпы. <...> Сложность в определении конфессиональной принадлежности адыгов обуславливалась еще и тем, что исламизация различных субэтнических групп адыгов растянулась на длительное время. Судя по всему, кабардинцы одними из первых приняли мусульманское вероисповедание. <...> С начала XVIII в. кабардинские князья в своей переписке с Россией и другими народами стали пользоваться, главным образом, письмом «тюрки» — важнейшим элементом мусульманской культуры. К середине же века наблюдаются и паломничества в Мекку представителей высшего сословия. <...>

В условиях начавшейся Кавказской войны резко изменяется политическая роль ислама в сторону его радикализации. В конце XVIII — начале XIX вв. он становится идеологическим оружием сопротивления кабардинцев колониальной экспансии России. Разворачивается шариатское движение, явившееся «самым мощным всплеском религиозного фундаментализма в истории Кабарды». Возглавили его князь Адиль-Гирей Атажукин и первостепенный уорк (дворянин), эфенди Исхак Абуков.

Одним из результатов шариатского движения было учреждение духовных судов — мехкеме. Они заменяли введенные еще в 1793 г. родовые суды и родовые расправы. В их компетенции находились тяжёбые дела и мелкие преступления, которые разбирались по нормам обычного права. Наиболее серьезные же уголовные дела, как то убийства, разбои, выступления против царизма, решались в Моздокском Верховном Пограничном суде по российским законам. <...>

В период «духовного правления» (1807–1822 гг.), когда в Кабарде действовали полномочные шариатские суды мехкеме, ислам приобрел новое качество. Перед нависшей угрозой потери политической самостоятельности и этнической самобытности религиозные и моральные компоненты традиционной социокультурной системы кабардинцев слились воедино. Религия глубоко проникает в обществен-

ное сознание кабардинцев. В отличие от внешней «атрибутивной» исламизации, характерной для кабардинцев до этого периода, происходит как бы «внутренняя исламизация». Вместе с тем наблюдается политизация ислама. В. Х. Кажаров, отмечая «произошедший в годы Кавказской войны синтез ислама и традиционной рыцарской культуры, образование нового качества и переход адыгского этноса на более высокий уровень своего развития», пишет, что «война за независимость становится войной во имя Бога, а рыцарь превращается в борца за веру». <...>

Сопrotивление российской экспансии, начавшееся после строительства крепости Моздок в 1763 г., воспринималось кабардинцами как война с иноверцами. Об этом свидетельствуют, в частности, сохранившиеся надмогильные памятники погибшим кабардинцам в сражении с войсками Якоби и Фабрициана в 1779 г., на которых по-арабски написано: «...навиему шахидом в войне с гяурами». Тем не менее Кавказская война не стала религиозной войной в защиту веры. «Ислам дополнил традиционную мотивацию сопротивления российскому завоеванию религиозной легитимацией». Именно поэтому стало возможным само шариатское движение в Кабарде.

Однако, несмотря на эти обстоятельства, кабардинцы не стали ортодоксальными мусульманами. Безусловно, это во многом объясняется особенностями национального менталитета, феноменом адыгэ хабзэ (адыгэ хабзэ — неписанный свод морально-правовых норм адыгов). Вместе с тем следует учитывать, что кабардинцы восприняли ислам в наиболее либеральном его виде — в рамках ханафитского мазхаба, который допускал широкое применение норм обычного права. Исламизация объективно сопровождалась и обратным процессом — этнизацией ислама, что повлекло за собой увеличение возможностей его неортодоксальной трактовки. В общественном сознании кабардинцев этическое содержание ислама — мусульманство — отождествлялось с основой национальной этики — адыгством. С этих позиций утвердившийся в исторической литературе тезис о «борьбе шариата с адатом», на наш взгляд, не совсем правильно отражает характер взаимодействия двух морально-правовых систем. На самом деле происходил естественный процесс адаптации мусульманского права к традиционным национальным юридическим нормам. В результате был образован «некий компромиссный вариант права, который допускал законность положений и шариата, и адата». Видимо, этому способствовало и структурное сходство шариата с адыгэ хабзэ — в нем также в нерасчлененном виде содержатся и правовые нормы, и нравственные принципы, и этикетные предписания. Не различия, а именно совпадения позволили адыгэ хабзэ органически синтезироваться с шариатом.

XIX в. характеризуется усилением религиозности кабардинцев и их тотальной исламизацией в результате совместного противостояния горских народов российской экспансии. В 1785 г. на Северном Кавказе появился шейх Мансур (Ушурма) — первый суфийский лидер на Кавказе. Его проповедническая деятельность затронула и Кабарду. Свою деятельность в качестве мусульманского проповедника он начал в чеченском ауле Адды, а спустя некоторое время переселился в Кабарду, где призывал местных жителей на борьбу с Россией и декларировал необходимость единения с Турцией и Крымом. Суфийские духовные лидеры оказали большое влияние на процесс дальнейшей исламизации кабардинского народа.

Проповедь шейха Мансура была подхвачена на Северном Кавказе первыми имамами мюридов (приверженцев накшбандийского тариката) Гамзат-беком и Гази-Магомедом, а затем Шамилем (провозглашен имамом в 1834 г.). Шамиль развил мюридизм в структурированную политическую систему, под его властью и знаменем мюридизма в войне против России объединились разрозненные племена горцев Чечни и Дагестана. Все более явным становится отождествление русских с кяфирами (неверными), появляются призывы к священной войне — джихаду. Несмотря на то, что в период Кавказской войны (1818–1861) Кабарда официально не участвовала в движении имама Шамиля и считалась «мирной», многие из добровольно примкнувших к Шамилю соседей, в том числе кабардинцев, занимали в имамате высокие должности. Например, большой популярностью среди мюридов пользовался кабардинский князь Мухаммед-мирза Анзаров, примкнувший к Шамилю во время похода на Кабарду в 1846 г. и назначенный затем наибом (наместником) Малой Чечни.

С учреждением в 1822 г. Временного кабардинского суда компетенция шариата была значительно ограничена. Согласно «Наставлению Временному суду» ген. А. П. Ермолова в ведении «духовного суда» оставались «дела до веры и совести касающиеся; дела по несогласию между мужем и женой; дела между родителями и детьми; вообще дела, не имеющие улик, ясных доказательств и письменных свидетельств». В последующем функционирование ислама в Кабарде происходило в рамках и под воздействием российской административно-политической системы. По инициативе генерала Ермолова исламское духовенство, представленное сельскими эфенди, было практически встроено в систему государственного управления. Российские чиновники требовали от эфенди не только полной лояльности властям, но и минимального уровня исламского богословского образования, «правильного», канонического соблюдения обрядов. С этого же периода на территории Северного Кавказа прочно закрепилось шариатское судопроизводство, которое в Кабарде существовало до 1922 г.

Пленение Шамиля (1859 г.) стало сигналом для решительного наступления России на земли адыгских народов Кавказа. Черкесам было предложено или переселиться на Кубань, или выселиться в Турцию. Происходит массовое выселение (мухаджирство) жителей Северного Кавказа в Османскую империю. Были репатриированы не только семьи и села, но и целые народности. В Османской империи всех мухаджиров (изгнанников) стали именовать «черкесами». Так, только с 1859 по 1862 г. из 45-и селений Кабарды в Турцию были выселены более 10 тыс. человек. Земли мухаджиров заселялись выходцами из России. Оставшиеся мусульмане были включены в общий реестр и переданы в ведение Оренбургского мусульманского духовного собрания.

Одним из результатов интеграции в российскую социокультурную систему было вовлечение Кабарды в развернувшееся в России в конце XIX в. исламское реформаторство, известное как джадидизм. Целью этого движения было приобщение российских мусульман к достижениям европейской цивилизации через просвещение. Оно предполагало реформу образования путем внедрения новых методов обучения, преподавания наряду с богословскими и светских наук, а также развитие мусульманской печати. В Кабарде в начале XX в. сформировался кружок мусульманских просветителей, включавший А. Дымова, И. Тлигурова, М. Гугова, А. Тамбиева, И. Купова, Т. Губашиева, Х. Хаконова и др. Именно они составили ядро просветительского движения, возникшего в XX в. в с. Кучмазукино (совр. г. Баксан). Деятели Баксанского культурного движения видели в просвещении единственную возможность сохранения национальной самобытности и способ самореализации кабардинского этноса. Ими были открыты новометодные медресе, позже учительская семинария, с преподаванием арабского и кабардинского языков, истории мусульманских стран, истории адыгов, арифметики, географии, астрономии и др., создана национальная письменность на арабской графике, основаны книжное издательство и газета «Адыгэ макъ» («Адыгский голос»). Они были связаны с мусульманскими центрами в Дагестане, Казани, с Черкесским благотворительным обществом в Стамбуле и Каирским университетом, а также с сельскими медресе, где обучение велось по учебникам, изданным в типографии Дымовых. Призывая к постижению европейских наук, баксанские просветители стремились воспитать образованного, современного кабардинца-мусульманина.

К 1914 г. Терская область (в состав которой в этот период входила Кабарда) занимала второе место по численности мусульманских общин на Северном Кавказе — 297 общин (в Дагестане — 1856).

Февральская революция 1917 г. предоставила горским народам Кавказа (в т. ч. кабардинцам и балкарцам) широкие возможности самоопределения во всех сферах, включая религиозную сферу. В Кабарде распространяется применение шариата, бурно развивается система мусульманского образования — медресе, возникает добровольная мусульманская милиция.

С первых дней гражданской войны мусульманские лидеры стремились сохранить нейтралитет и избежать участия в борьбе. Однако долго удержаться на нейтральной позиции они не смогли. К середине 1918 г. возникают два противоборствующие военно-политические формирования — партия «Свободная Кабарда», созданная ротмистром З. Даутоковым-Серебряковым (ориентирующаяся на белых), и Революционно-шариатский отряд, сформированный Н. Катхановым (ориентирующийся на красных). При этом каждая из сторон, так или иначе, опиралась на ислам

для привлечения к себе сторонников, совершенно обоснованно рассчитывая на религиозность кабардинцев и балкарцев, особенно возросшую в годы Гражданской войны.

В 1918–1920 гг. Нальчик и вся территория Кабарды неоднократно переходили из рук в руки. Однако преобладали симпатии к большевикам. Значительная часть представителей национальной интеллигенции, в том числе мусульманского духовенства, считавших, что исламские принципы вполне совместимы с большевистской идеологией, образовали движение «красных шариатистов» во главе с Н. Катхановым, которые выдвинули лозунг «Да здравствует советская власть и шариат!». После поражения Деникина и окончательного утверждения советской власти в Нальчикском округе в марте 1920 г. надежды сторонников дальнейшего сохранения шариата не оправдались. Н. Катханов был объявлен контрреволюционером и стал одной из первых жертв советского репрессивного механизма.

В 1921 г. постановлением ВЦИК была образована Кабардино-Балкарская автономная область в составе РСФСР.

С середины 20-х гг. политика воинствующего атеизма на территории Кабардино-Балкарии не имеет принципиальных отличий от общесоюзного курса. В конце 20-х –нач. 30-х гг. в Кабардино-Балкарии состоялись массовые народные выступления против советской власти. Центром их был Баксан. Баксанские события 1928 г. стали первыми в цепи прокатившихся по Кабардино-Балкарии в конце 20-х — начале 30-х гг. актов народного сопротивления советской власти. Экономические и политические требования восставших — расформировать колхозы, отменить насильственную хлебозаготовку, самообложение и принудительные займы, сохранить право собственности, распустить партячейки, предоставить муллам избирательное право и т. д. — переплетались с требованиями не закрывать мечети, открыть при каждой мечети медресе, установить власть народа по шариату. По существу ислам вновь (после шариатского движения в Кабарде в конце XVIII — начале XIX в.) стал идеологией народной борьбы. В течение 1928–1931 гг. подобными волнениями были охвачены десятки кабардинских и балкарских сел и во всех выступлениях содержались требования сохранения шариата. Баксанские выступления были жестоко подавлены. Преследования религиозных деятелей не прекращались и в 30-е гг. В республике своего апогея они достигли в 1937 г. Репрессиям подверглись все служители исламского культа, которые еще оставались на свободе.

В послевоенные годы секуляризация коренных народов республики прогрессировала. Ислам, находившийся в синкретическом смешении с горскими обычаями и доисламскими верованиями, превратился в элемент народного быта. К 1975 г. в КБР насчитывалось шесть официальных мусульманских религиозных организаций. Своеобразной формой полулегальной

мусульманской религиозной жизни служили пятничные молитвенные собрания в кладбищенских сторожках, собиравшие по 20–30 верующих. По данным Н. Емельяновой, таких сторожек в республике было 70⁴.

Начиная с XVIII в. в Кабарду (в основном в ее северную предгорную часть) переселялись не только православные (в основном казачество), но и староверы, поляки-католики, немцы-лютеране. Однако глубоких корней христианские конфессии пустить в будущей КБР не успели. Накануне 1917 г. в Кабарде действовало 219 мечетей, 16 церквей, одна синагога и три молитвенных здания других конфессий.

Советская власть сравнительно быстро расправилась с христианами КБР — к концу 30-х гг. организованная церковная жизнь прекратилась. Во время короткой оккупации Кабарды фашистами было открыто несколько православных церквей. После изгнания оккупантов четыре из них закрыты не были. Либерализация религиозной жизни началась в КБР за несколько лет до перестройки: в начале 80-х стали открываться молитвенные дома и мечети мусульман, церкви и молитвенные дома православных, была зарегистрирована община немцев-лютеран в Прохладном. В советское время Кабардино-Балкария входила в Ставропольскую епархию РПЦ.

В 1944 г. балкарское население, обвиненное Сталиным в сотрудничестве с гитлеровцами, было поголовно депортировано в Сибирь и Среднюю Азию, где оно пребывало вплоть до начала хрущевской «оттепели», а республика была переименована в Кабардинскую АССР (в 1957 г. возвращено название «Кабардино-Балкарская АССР»). Судьба второго по численности коренного народа республики, балкарцев имеет много общего с судьбой кабардинцев. Кабардинцы занимают преимущественно низменную часть территории Кабардино-Балкарии, в горной ее части проживают балкарцы. К началу перестройки Кабардино-Балкария осталась республикой с традиционно мусульманским населением.

РПЦ

Организационная структура

В организационном отношении КБР — это Нальчикское благочиние Пятигорской и Черкесской епархии (епархия включает приходы Минераловодского, Предгорного и Кировского районов Ставропольского края, а также республик Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии). Епархия была выделена из Ставропольской епархии в 2009 г. Пятигорскую епархию возглавляет архиеп. Феофилакт (Денис Анатольевич Курьянов). Родился 27 августа 1974 г. в г. Грозном (Чечено-Ингушская АССР) в семье служащих. В 1991 г. окончил среднюю школу. В 1992 г. по рекомендации прот. Петра Невцветаева, настоятеля храма Михаила Архангела г. Грозного,

где на протяжении пяти лет нес алтарно-клиросное послушание, поступил учиться в Ставропольскую духовную семинарию. 5 апреля 1994 г. пострижен в монашество. В апреле 1994 г. рукоположен во иеродиакона, а 5 июня того же года — во иеромонаха. В 1996 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию и был назначен настоятелем строящегося храма в поселке Рыздвяный Ставропольского края. 18 мая 1998 г. назначен на должность благочинного православных церквей Благодарненского округа и настоятелем Александро-Невского храма города Благодарного. В 2000 г. поступил в Институт дружбы народов Кавказа (г. Ставрополь), который окончил в 2004 г. по специальности «Психология». В апреле 2001 г. возведен в сан игумена и назначен благочинным Изобильненского округа и настоятелем Свято-Никольского храма г. Изобильного. В апреле 2004 г. назначен настоятелем строящегося Спасо-Преображенского храма в том же городе. 1 сентября 2002 г. назначен преподавателем литургики в Ставропольской духовной семинарии. В 2003 г. поступил в МДА, которую окончил в 2007 г. С декабря 2004 г. нес послушание секретаря епископа Ставропольского и Владикавказского. 24 сентября 2006 г. хиротонисан во епископа Магнитогорского, викария Челябинской епархии. 11 августа 2008 г., после кончины епископа Курганского и Шадринского Михаила, указом Святейшего Патриарха Алексия был назначен временно управляющим Курганской епархией. 6 октября 2008 г. назначен епископом Бронницким, викарием Московской епархии, с поручением управления приходами Патриаршего благочиния в Республике Туркменистан. 1 марта 2009 г. назначен правящим архиереем Смоленской и Вяземской епархии с сохранением обязанностей по окормлению приходов в Туркмении. 22 марта 2011 г. назначен на Пятигорскую кафедру. С января 2014 г. — архиепископ.

Нальчикское благочиние с 2003 г. возглавляет прот. Валентин Бобылев. Интернет-сайт благочиния: <http://kborthodoxy.ru/>.

Особенности епархиальной жизни

Большинство населения КБР (около $\frac{3}{4}$) составляют кабардинцы, балкарцы и другие традиционно мусульманские народы. Русских и других традиционно христианских народов около 200 тыс. — $\frac{1}{4}$ населения республики. Православие и другие христианские конфессии появились на территории нынешней КБР сравнительно поздно — в XIX в. Христианами являются в основном русские, живущие преимущественно казачьих районах на границе со Ставропольским краем (города Прохладный и Майский), а также в Нальчике. На территории Северной Осетии в Моздокском районе живут православные кабардинцы, отказавшиеся от ислама еще в XIX в.

Многие русские покидают регион из-за отсутствия работы, а в 1990-е и нулевые годы — из-за близости к чеченскому театру военных действий.

Чемоданным настроениям способствует усиление влияния радикального ислама через мусульманских проповедников из Чечни и Дагестана. С конца 90-х гг. в КБР исламские экстремисты периодически совершают террористические акты. В сентябре 2001 г. в г. Тырныауз мусульманским фанатиком Ибрагимом Хапаевым, признанным позднее невменяемым, был убит священник Игорь Розин. По данным «Общей газеты» о. Игорь и другие православные активисты Тырныауза постоянно подвергались угрозам и избиениям («Общая газета», № 36, 2001).

В 1990–2003 гг. Ставропольскую епархию, в которую входили и северокавказские республики, возглавлял митр. Гедеон (Докукин). Он осознал себя «православным патриотом» и рассматривал свою епархию в качестве форпоста на границе России с мусульманским миром. Гедеон, как он заявил авторам в интервью 20 октября 1998 г., стремился сохранить «православную чистоту», как он выразился, «Священного Кавказа». По мнению митрополита, государство должно всячески поддерживать Православную Церковь, а Церковь, в свою очередь, пропагандировать государственнические интересы. Постоянно проходили его встречи с муфтиями и госчиновниками. В местной прессе появлялись сообщения о том, что церковь и мечеть способны принести мир на Северный Кавказ («Известия» от 26 марта 1998 г., «Ставропольские губернские ведомости» и «Вечерний Ставрополь» от 26 марта 1998 г.). Епархия оказывала посильную гуманитарную помощь населению Чечни («Ставропольские губернские ведомости» от 18 марта 1998 г.). Митрополит гордился результатами своей деятельности и, в частности, тем, что «на территории края не было ни одного конфликта с мусульманами непосредственно на религиозной почве».

В то же время в прессе Гедеон подвергался резкой критике за неспособность найти адекватные ответы на проблему межэтнических отношений. Максим Шевченко («НГ Религии» от 24.07.1997), например, резко осудил «идеальные отношения митрополита с возрождающимся казачеством» (виновным, по мнению автора, в росте анархии, межнациональных конфликтов и моральном разложении церковной жизни). М. Шевченко фактически обвинил Гедеона в разжигании межэтнических и межрелигиозных конфликтов на Северном Кавказе и призвал разделить епархию, открыв кафедры в каждой из столиц входящих в епархию субъектов федерации. Шевченко, может быть, был слишком резок в своих оценках, но, действительно, в речах и проповедях Гедеона было слишком много о национальных интересах России, но слишком мало о признании национальных интересов кабардинцев, карачаевцев, осетин и других горских народов.

В 2003–2011 гг. глава Ставропольской епархии, еп. Феофан проводил на Северном Кавказе политику безусловного приоритета мирного сосуществования ислама и православия. На всех уровнях, от приходского до епархиального, развивались связи и сотрудничество с местными му-

сульманскими, а также властными структурами. Феофан старался не допускать ничего, что могло бы вызвать недовольство у горских народов. В частности, активная проповедь среди мусульманского населения, как-вым, по большей части, являются кабардинцы и балкарцы, не поощрялась.

Благочинный Кабардино-Балкарии до 2003 г. — прот. Леонид Ахидов, священник, имевший большой опыт служения на Северном Кавказе, хозяйственник с консервативными взглядами. О. Леонид делал ставку на развитие и укрепление уже существующих православных приходов в Кабардино-Балкарии, в т. ч. на создании при них воскресных школ. Социальная работа священников заключалась по большей части в помощи военнослужащим в военных частях и госпиталях Кабардино-Балкарии. О. Леонид сумел получить согласие властей республики на строительство собора в Нальчике и женского монастыря. Мало того, он добился от властей финансовой помощи на первом этапе этих строек.

В 2004 г. благочиние возглавил прот. Валентин Бобылев, а в 2011 г. была создана Пятигорская епархия, в которую перешло Нальчикское благочиние. С момента основания епархию возглавляет еп. Феофилакт.

При новом руководстве православие стало играть более заметную роль в общественной жизни республики, а церковная жизнь стала богаче. Бобылев наладил отношения и с республиканскими чиновниками, и с главами местных администраций, которые стали помогать благочинию в реставрации и строительстве храмов. При Валентине был построен собор Марии Магдалины в Нальчике и приведен в порядок женский Свято-Троицкий монастырь в Зольском районе. Монастырь был создан дочерью Алексея Хомякова, Екатериной в середине XIX в. До революции он был известен на всю Россию образцовой организацией хозяйственной деятельности, в частности, сельскохозяйственного производства. Сейчас в монастыре обитают пять немолодых сестер во главе с игуменьей — матерью благочинного. Окрестное население — сплошь мусульмане, но среди отдыхающих на Кавказских минеральных водах пользуются популярностью экскурсии-паломничества в монастырь.

В развитие политики дружбы народов благочинный совместно с муфтием и раввином иудейской общины Нальчика выступают в вузах, посещают школы и общественные собрания. Постоянно организуются (обычно по инициативе властей) различного рода мероприятия, направленные на расширение контактов и укрепление связей между христианами и мусульманами. Епископ и благочинный достигли определенных успехов в налаживании отношений с интеллигенцией. Причем не только с русской, но и с горской. Концерты и выставки, в организации которых православные принимают участие, привлекают не только православных русских, но и более широкие круги интеллигенции.

Особое внимание епископа и благочинного к воскресным школам дает свои плоды. Школы есть при всех церквях, они сравнительно (учитывая малочисленность русского населения) популярны, многие дети из этих школ проявляют себя в различных формах церковной активности. В 2013 г. создан молодежный православный центр «Мир всем» при соборе, который возглавил молодой священник Константин Осипов. Основные занятия этого центра — развитие катехизации силами мирян, помощь больным и престарелым, организация концертов для немощных и в детских домах. О. Константин видит свою задачу в воспитании лидеров-мирян.

Большое сожаление у благочинного вызывает состояние местного казачества. По мнению о. Валентина, оно находится в постоянном кризисе и расколе. Казаки редко приходят в церковь. В основном они охраняют крестные ходы и помогают в хозяйственных нуждах приходов, «когда баюшка, к примеру, просит сложить кирпичи». В вере, по словам о. Валентина, «казачество — холодное». Оригинальная культура казаков и их быт еще сохранились в Прохладном, Майском, а также в некоторых станицах, например, Котлярейской, Екатериноградской.

Среди молодежи, с которой работает о. Константин, есть и молодые казаки. По мнению о. Константина, молодое поколение казаков в отличие от стариков ближе к церкви и из многих из них будут хорошие православные. В то же время о. Константин отмечает своеобразие казачьего менталитета, ярче всего выраженного в распространенной среди казаков поговорке: «Русские за власть, казаки за свободу».

Среди прихожан есть немного кабардинцев и балкарцев (большинство из смешанных семей), один священник — балкарец. В некоторых храмах в богослужении частично используется кабардинский язык. На Пасху 2014 г. кабардинский язык впервые частично был использован на богослужении в кафедральном соборе Нальчика. Одной из особенностей религиозной жизни в Кабардино-Балкарии, утверждает о. Валентин, является то, что кабардинцы, будучи мусульманами, посещают богослужение в православной церкви. Немногие принимают крещение и становятся практикующими православными, но интерес имеют. Как отмечает о. Валентин, «люди здесь, на Северном Кавказе не переходят из одной веры в другую, а уходят от атеизма».

Относительно новое занятие православных КБР — социальное служение. В последние годы приходы собирают и раздают теплую одежду беднякам и обеспечивают многодетных родителей детским питанием. В станице Александровской создан детский приют на 30 мальчиков и богадельня. В 2013 г. начал работать реабилитационный центр для наркоманов.

Религиозная политика властей и РПЦ

При всех постсоветских руководителях республики основной задачей религиозной политики было преодоление исламского экстремизма (а также потенциально возможного религиозного фактора в межэтнических конфликтах). В начале 90-х гг. имел место непродолжительный, но бурный взрыв балкарского национализма и сепаратизма. Он был быстро подавлен. Однако идеи балкарского самоопределения постоянно возникают и приводят к тщательно скрываемым конфликтам кабардинцев и балкарцев. Официальной политикой в республике является равенство двух народов, при котором все руководители — кабардинцы, а их заместители — балкарцы. Власти успешно справились с задачей недопущения создания отдельного балкарского муфтията.

С середины 90-х гг. до наших дней в республике действует экстремистское мусульманское террористическое подполье. Власти разными средствами ведут борьбу с ним (см. раздел об исламе в КБР). РПЦ и другие христианские конфессии в религиозной политике умиротворения играют конструктивную роль, всячески поддерживая идеи толерантности и межрелигиозного сотрудничества.

В послании президента КБР Валерия Кокова в начале 2001 г. в абзаце, посвященном религии, провозглашается основной принцип: «Важной приметой перемен в жизни республики стало становление новой модели отношений между религиозными организациями и государством. В республике нет и не должно быть места крайним течениям ни в исламе, ни в православии, ни в других конфессиях. В Кабардино-Балкарии не было и не будет места религиозному, да и иному экстремизму» («Газета Юга», № 5, 1 февраля 2001 г.). Несмотря на то, что главы республики менялись с тех пор дважды, а методы религиозной политики еще чаще, принципы эти остались неизменными.

В 1994–1995 гг. властями был сформирован стратегический союз РПЦ и официального ислама — Духовного управления мусульман Кабардино-Балкарии (ДУМ КБ). Объединительная концепция заключалась в том, что две основные традиционные конфессии должны отвечать за духовное возрождение народа, сотрудничать с властями и между собой. В декабре 1995 г. при президенте Кабардино-Балкарской республики был учрежден совет по связям с религиозными организациями, куда вошли два православных священника, четыре представителя от мусульманского духовенства и раввин.

По отношению к православию власти подчеркивают свое уважение. Благочинный о. Валентин Бобылев был награжден Орденом Дружбы по представлению Валерия Кокова. Конкурс на строительство будущего центрального храма Нальчика, собора Марии Магдалины проводился под

личным руководством президента Кокова. В выборе проектов храма вместе принимали участие Коков и еп. Феофан.

Благочинный принимает деятельное участие в Совете по взаимодействию с религиозными организациями при президенте республики. Министерство культуры КБР тесно сотрудничает с благочинием. По словам благочинного о. Валентина, церковь в КБР ощущает «абсолютную поддержку со стороны властей — республиканских и местных администраций». Другие христианские конфессии — католики, пятидесятники и баптисты — свободно арендуют помещения для богослужения и занимаются социальной и благотворительной работой.

За связи с религиозными объединениями отвечает Отдел по работе с религиозными организациями Министерства по средствам массовой информации, общественным и религиозным организациям (глава отдела — Марат Рахаев). Власти проводят толерантную политику в религиозной сфере, поддерживают отношения с «традиционными религиями», под которыми имеются в виду православие, ислам и иудаизм, но религиозные меньшинства дискриминации не подвергаются. Глава КБР постоянно заявляет, что все должны жить в мире и согласии и ничего не должны делить, он посещает по праздникам как мусульман, так и православных.

Представители православия, ислама, иудаизма входят в Общественный совет при главе республики и в Общественную палату, а также участвуют в основных конференциях, форумах и программах, которые организуются при поддержке властей. Крупнейшей религией в республике является ислам. ДУМ объединяет 125 объединений, практически в каждом населенном пункте есть либо мечеть, либо община. По спискам регистрации религиозных объединений, на втором месте стоит протестантизм — 26 протестантских церквей, на третьем месте православие — 21 организация. Лидером иудейской общины является Леви Шабаев.

В республике действует специальная программа по воспитанию толерантности среди молодежи. Министерство образования и молодежной политики КБР проводит школы толерантности и организует Центры миротворчества и толерантности. Среди школьников проводится конкурс «Религия и толерантность»: в рамках конкурса дети рисуют и пишут стихи на тему дружбы народов и мира между религиями, противодействия экстремизму. В жюри входят художники, учителя, писатели, священник РПЦ, муфтий и раввин. Социальные и культурные проекты проводятся под лозунгами «Мы разные, но мы вместе», «Добрые дела — наша религия».

Молодежный проект «Куначество» объединяет детей и семьи разных национальностей и религий. Подростков — русских, кабардинцев, балкарцев — селят в какую-либо семью на неделю, и они становятся гостями — кунаками. Все семьи собираются перед открытием проекта, а затем по его завершении делятся впечатлениями, начинают дружить семьями.

Специально для проекта на основании адыгских традиций и обычаев разработан Кодекс Кунака о почитании старших и этике поведения.

Представители власти отмечают влияние протестантских церквей в республике, которые привлекают также кабардинцев и балкарцев, однако это не вызывает острой реакции в обществе. Вполне терпимо власти относятся и к социальной деятельности протестантов и католиков, которые помогают бомжам и несут служение в больницах. Мусульмане и православные регулярно посещают колонии и наркодиспансер. В тюрьме в Каменке построены мечеть и православный храм.

В 2010 г. при поддержке администрации проводился Межконфессиональный лагерь с участием православных и мусульман, благочинию РПЦ и иудеям власти помогают проводить праздники — епархиальную елку и Пурим. Существует специальный оргкомитет по проведению хаджа (в 2012 г. власти отправляли в хадж 440 чел., в 2013 г. — 319). Семинары и конференции для мусульман также проводит Фонд поддержки исламской культуры и образования.

Численность

2013 г.: 20 приходов, 23 священника, два диакона.

Монашество

Женский монастырь:

Свято-Троицкий женский монастырь.

Настоятельница — игум. Антония (Бобылёва).

Пять насельниц.

Адрес: Кабардино-Балкарская республика, с. Совхозное Зольского района, ул. Центральная, д. 4, тел. (237)-9-45-37.

Духовное христианство

Духовное общество молокан в Нальчике. Старший в общине — Алексей Петрович Аринин. Мэрия Нальчика выделила общине молокан здание под богослужения. В общине — несколько десятков человек.

Католическая Церковь

В КБР существует небольшая, но очень активная католическая община, состоящая из трех приходов — Святого Иосифа (в Нальчике), Святого Семейства (в Прохладном) и Благовещения (в Благовещенке). Исторически католики (немцы и поляки) присутствовали на территории современной КБР с конца XIX в. В начале XX в. наиболее крупным католическим

поселением было село Благовещенка, насчитывавшее несколько сотен поляков-католиков. Подпольно религиозная жизнь в Благовещенке не прекращалась и в советское время. Возрождение организованной церковной религиозной жизни началось в городе Прохладный еще до перестройки. С 1962 г. из Казахстана и Средней Азии стали переселяться в этот город немцы лютеране и католики. К немцам присоединились поляки и прибалты. Они организовали вместе с монахинями из Латвии католическую общину. Раз в три месяца приезжали священники из Литвы. Первым постоянным священником в КБР был в 1993–1996 гг. Бронислав Чаплицкий, возглавивший приход в Прохладном.

В Нальчике приход возник благодаря строителям из Польши. В 1987 г. в Нальчик из Польши на строительство крупных курортных объектов были приглашены польские фирмы. Работники этих фирм образовали общину, которую возглавил священник из Польши. Несколько десятков разрозненных католиков Нальчика примкнули к этой общине. После отъезда польских строителей сохранился активный приход из местных жителей.

Священники Богдан Чаплицкий (1993–1996) и наследовавший ему Майкл Скрин (1996–1999) сумели организовать три стабильных прихода, но подлинный расцвет начался при ирландском священнике Коне Дохерти (1999–2005). Благодаря харизматической личности этого священника католические общины выросли численно, в них развились культурные, благотворительные и просветительские инициативы. При о. Коне католики завоевали авторитет у властей республики и горской интеллигенции. С 2005 г. о. Кон возглавляет большой армяно-католический приход в Отрадненском районе Краснодарского края.

С 2005 г. настоятель приходов в КБР — о. Лоран Флиши из Орлеана, принадлежащий к ордену Св. Иоанна. Вместе с ним служат еще два брата из этого ордена. Приход в Нальчике (около 100 прихожан) собирается в перестроенной квартире в центре города. Помощник о. Лорана в Нальчике — балкарец из Казахстана Еркин Аймурзаев.

Приходы в Прохладном (ок. 50 чел.) и Благовещенке (ок. 50 чел.) имеют свои церковные здания. С властями республики отношения доброжелательные, препятствий нет. В приходах представлены все социальные слои и возраста. Поляки, русские, немцы. Горцы только из смешанных семей.

Серьезная работа проводится с молодежью, устраиваются летние лагеря «Каникулы с Богом». О. Лоран большой любитель конного спорта, в Благовещенке создал конюшню и обучает молодежь конному спорту. При церкви существуют неформальные кружки «Друзей Церкви» и «Друзей французской культуры», объединяющие по преимуществу представителей горской интеллигенции. Проводятся концерты с привлечением городских профессиональных музыкантов.

Большая благотворительная деятельность: служат пять сестер ордена Матери Терезы, оказывают помощь бомжам, нищим, инвалидам и т. д. В приходах осуществляется сбор и распределение гуманитарной помощи. В Благовещенке католики построили большой реабилитационный центр для наркоманов. Община помогает интернату для умственно отсталых детей в Нальчике и обществу инвалидов в Прохладном. В Кабардино-Балкарии дети прихожан обеспечиваются канцелярскими школьными предметами.

С тех пор, как еп. Феофилакт возглавил православную епископскую кафедру, установились добрые отношения с православными, обсуждаются планы совместной благотворительной деятельности. Католики поддерживают отношения с баптистами, а также с руководством ДУМ.

Протестантизм

Евангельские церкви представлены в Кабардино-Балкарии практически всеми основными направлениями — от немецких лютеран до харизматов и адвентистов. Из редко встречающихся течений в КБР действуют общины пятидесятников-субботников, выходцев из Молдавии, которые на территории России были фактически истреблены в советское время. В республике около 40 протестантских церквей и групп, как зарегистрированных, так и нерегистрированных. По числу зарегистрированных общин протестанты стоят на втором месте после мусульманских объединений. И хотя в КБР нет многотысячных церквей (в основном общины не превышают 100-200 чел.), протестанты заняли важное место в общественной и религиозной жизни республики: власти признают заслуги евангельских общин в социальном служении и отмечают значительную роль в обращении части кабардинцев и балкарцев в христианство. В условиях борьбы с экстремистскими тенденциями, с ваххабизмом власти не видят угрозы со стороны протестантских церквей, отмечая их роль в воспитании здоровой молодежи, в борьбе с наркозависимостью, в служении по тюрьмам и зонам. В рамках национальной миссии протестанты нашли свои формы проповеди, обращения к историческим христианским корням и этике кабардинцев и балкарцев.

Лютеранство

ЕЛЦ. Общины ЕЛЦ зарегистрированы в Прохладном и в Майском. Священников нет. Маленькие, состоящие из российских немцев общины являются фактически филиалами прихода ЕЛЦ в Ставрополе.

Методизм

Община Российской объединенной методистской церкви (РОМЦ) в Нальчике. Пастор — Галина Троицкая (с 2008 г. в КБР). Община рас-

полагается в Александровке (микрорайон Нальчика). В церкви около 30-и человек, есть русские, кабардинцы, балкарцы.

Баптизм и евангелизм

а) Российский Союз евангельских христиан-баптистов (РСЕХБ). Старший пресвитер ЕХБ по Кабардино-Балкарии — Виктор Васильевич Левашов. Дом Молитвы РСЕХБ в Нальчике, пастор — Александр Ахматович Мечиев (в центральной общине более 200 чел.). Балкарскую церковь (около 30 чел.) в Нальчике возглавляет пастор Кульбаев Алим Махмудович. Всего по КБР 7 церквей и 5 групп.

В Прохладном действует известный на Северном Кавказе и в целом на Юге России Северо-Кавказский Библейский Институт ЕХБ, Прохладный, ул. Пролетарская, 70/1. В институте обучается около 120-и человек из различных евангельских церквей.

История евангельского движения в Кабарде началась еще в начале XIX в. В 1802 г. под покровительством русского правительства была основана евангелистская шотландская миссия под Пятигорском в колонии Карасс (ныне Иноземцево). Директором миссии являлся проповедник Галлоуэй. Миссия занималась распространением священного писания (до 5 тыс. в год) и проповедью. Отчеты миссии посылались в Эдинбург. Шотландские евангелисты писали о том, что в Кабарде они впервые услышали от мусульман признание того, что Иисус является Духом Божиим и придет судить мир в последний день. Шотландская миссия в Кабарде проработала до начала 20-х гг. XIX в. Первая российская община баптистов появилась в Нальчике в 1918 в.

Баптистские церкви в республике являются самыми многочисленными из всех протестантских, верующие устраивают молодежные лагеря, существует многочисленное молодежное служение, в церковь приходят студенты и учащиеся. Миссия устраивает благотворительные акции, распространяет гуманитарную помощь, помогала чеченским беженцам в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. (при церкви питалось около 320 семей чеченцев).

Власти считают баптистов традиционной церковью, однако общины, которые проходят перерегистрацию, тщательно проверяются различными органами власти. Баптисты известны в республике своим социальным служением, тем, что работают в тюрьмах, хорошей репутацией пользуются строительные бригады баптистов.

С властями баптисты, по словам пастора Александра Мечиева, живут в мире и без противостояния, «пытаемся, чтобы Христос стал для них также откровением». Объединению ЕХБ разрешается проводить служения и проповедовать в зонах. С православными у баптистов также сложились братские отношения, вместе с благочинием РПЦ церковь ЕХБ договорилась распространять библейскую литературу на кабардинском

и балкарском языках (православные заказывают в Библейском обществе, а баптисты развозят). Верующих также пускают работать и помогать в психдиспансере и в наркодиспансере, откуда наркозависимых часто направляют в баптистский центр для реабилитации наркозависимых в ст. Павлодольская и в ст. Зольская в Северной Осетии (наркоманам проповедуют новообращенный чеченец и бывший зависимый). Как отмечает пастор, в отличие от других регионов в республике баптистам беспрепятственно позволяют совершать социальное служение в домах престарелых, в детских домах, домах инвалидов, верующие от имени церкви дарят подарки на праздники, собирают гуманитарную помощь, продукты.

Наряду с этим в церкви ведется активная миссионерская работа среди местного населения — кабардинцев и балкарцев. Существуют отдельные кабардинские и балкарские группы, которые собираются и читают Новый Завет и христианскую литературу на своих родных языках, также распространяемую миссией баптистов (Евангелие на кабардинский язык перевел швед Лео Мартинсон). Пастор-балкарец Александр Мечиев объясняет мусульманам, что у них с христианами много общего, например, «мечеть» переводится как «Дом Молитвы», а «мусульманин» как «покорный Богу». Для удобства миссии, считает Мечиев, необходимо вывешивать новые христианские призывы: вместо обычного баптистского «Мы проповедуем Христа Распятого» необходимо просто «Бог есть Любовь». Мечиев считает, что среди кабардинцев намного легче проповедовать, так как у них еще сохранились христианские корни в языке, в именах. У балкарцев христианских корней уже меньше. В рамках адыгской этики христианской традицией можно считать почитание старших, а также некоторые пословицы, например, «кто в тебя камнем, ты в того хлебом». Кабардинцам проповедники часто просто говорят, чтобы они возвращались к Богу Живому, напоминают о христианских корнях (Шагенов — это фамилия священническая, Карданов — дьяконская).

Служение на балкарском языке проводится в церкви во главе с Алимом Кульбаевым. Презентацию Нового завета на кабардинском и балкарском языках Церковь ЕХБ проводила публично на самых разных площадках — в Институте бизнеса, в Драмтеатре, в ДК профсоюзов.

Христианская миссия неоднозначно воспринимается среди кабардино-балкарского общества. В некоторых случаях обращенных в христианство родственники лишают погребения в родном селе, но такие случаи редки.

Пастор Мечиев (интервью авторам в ноябре 2013 г.) полагает, что «мы должны проповедовать всем народам без экстремизма, не используя культурные ухищрения, церковь, конечно, принимает быт и культуру, но вносит туда Евангелие. Каждый верующий является миссионером и должен им быть». Число новообращенных из числа кабардинцев и балкарцев, масштабы миссии баптисты не афишируют, так как это политически

опасно при возрастающем влиянии ислама в республике. В Коране говорится, что в религии нет принуждения, и пастор Мечиев также проповедует, что христианство не принуждает никого, а рассказывает о том, что делает Христос. С 1998 г., по словам пастора, в рамках миссионерского служения никаких серьезных конфликтов с властями или представителями общественности не было. Мечиев ездит по селам и деревням, раздает Евангелие на кабардинском и балкарском, и большинство людей доброжелательно берут и читают, в том числе на русском языке. Мирный, светский ислам в народе пока существует, но эта ситуация также меняется, полагает пастор. Сама жизнь показывает людям, что лучше, а что хуже, когда братья убивают друг друга, кабардинцы и балкарцы убивают друг друга якобы ради «чистого ислама», и, конечно, такой «ислам» никому не нужен.

Проповедуя в зонах мусульманам, пастор говорит им, что он также правоверный, покорный Богу человеку, а по поводу того, что надо в тюрьме сидеть, Аллах ничего не говорил (тюремное начальство охотно пускает пастора к мусульманам, учитывая угрозу создания «джамаатов» в зонах, разделения на «зеленых» (мусульман) и «черных», как «мусульмане» называют православных за то, что они, по их мнению, искажают Писание). Проповедь пастора пользуется успехом в зонах, Мечиев раздает Евангелия всем, отмечая, что читает и Коран, и Библию. Александр Мечиев отмечает: «Я сам балкарец и был мусульманином, и верю в Троидного Бога, и считаю, что веру эту надо доносить до всех. Христос говорил, что меня Отец сделал любящим все народы, от одной крови Бог создал род человеческий по всему лицу земли».

Пастор полагает, что Россия будет христианской и в ней также совершится миссионерский прорыв, как и в Южной Корее, которая стала протестантской страной. В отличие от православных, отмечает пастор, мы спасены и уже находимся в Царствии Небесном, а православные только на похоронах желают Царствия Небесного. Пока же народ и общество во тьме, отсутствует всякая мораль, Россия в нищете. Главная проблема России в том, что есть дефицит любви и уважения к любому человеку, тогда как христианство говорит, что нельзя унижать образ Божий в человеке.

б) **Миссия «Новый путь».** Автономная евангельская церковь евангельских христиан. Пастор — Павел Юрьевич Погодин, есть свой молитвенный дом в Нальчике. Лидер церкви является выходцем из общины Союза ЕХБ. Социально активная община, среди верующих есть русские, кабардинцы, балкарцы.

с) **Церковь ЕХМС «Утешение»** в Нальчике. И. о. пастора — Альберт Казбекович Макоев. Социально активная национальная община евангельских христиан.

д) **Совет Церквей ЕХБ (инициативники).** Консервативные баптистские общины в г. Нарткала и в Прохладном.

Пятидесятники

а) **Церковь христиан веры евангельской** г. Нальчика. Входит в Российскую Церковь ХВЕ. Пастор — Евгений Ким, также зампредела Объединения церквей ХВЕ Северного Кавказа (старший пресвитер Объединения — Виктор Пак в Кавминводах). В РЦ ХВЕ в республике входят восемь церквей и групп. Церкви существуют в Нальчике, Майском, Прохладном, Благовещенке, Нарткале. Община в Нальчике относится к пятидесятникам пресвитерианского направления, которое стало развиваться в КБР и Северной Осетии с начала 1990-х гг. при участии корейских миссионеров. Корейские общины в Нальчике, Моздоке (Северная Осетия) и других городах вошли в 1997 г. в Союз ХВЕ России (сейчас — РЦ ХВЕ) в связи с принятием Закона о свободе совести.

В общине — около 30–40 человек, по составу это корейцы, русские, кабардинцы, балкарцы, армяне, молдавские цыгане. В начале 2000-х гг. община была в основном молодежной по составу, но затем студенты уехали учиться в Москву и Пятигорск.

Пресвитерианство отличается от других пятидесятнических общин особой системой управления — советом пресвитеров, в богословии делается акцент на кальвинизме. Сам пастор Евгений Ким считает себя кальвинистом, хотя и не проповедует этого учения в качестве обязательного. Помимо этого, в корейских пресвитерианских общинах свое отношение к глоссолалии: «В нашем понимании уверовавший в Бога человек сразу получает Духа Святого, а поэтому «второго крещения» Духом Святым со знаменем говорения на иных языках не требуется, это не является обязательным в качестве подтверждения крещения, но не исключается в качестве одного из духовных даров». Служение в церкви больше похоже на лютеранское, большое внимание уделяется дисциплине, пресвитериане более консервативны по сравнению с харизматами. В рамках РЦ ХВЕ корейские пресвитериане обладают определенной организационной и богословской свободой.

Республиканские власти, по словам пастора Евгения Кима, лояльно относятся к зарегистрированным церквям, особенно к тем, у которых есть свои здания. У корейских церквей налажены постоянные контакты с Южной Кореей, и местные власти вместе с церквями устраивают национальные корейские праздники и фестивали в Прохладном и Майском, где компактно проживают корейцы, переехавшие в Россию (в 2004 г. исполнилось 140 лет переселения корейцев в Россию). Власти в большей степени в настоящее время озабочены исламом, развитием ваххабизма и изменением мусульманского мировоззрения кабардинцев и балкарцев, которое всегда было более «светским», привлечением в новые исламские общины образованной молодежи, которая туда идет ради отстаивания «истинной веры», а также обращением в ислам русских, особенно рус-

ских женщин. Власти видят, что протестантские общины ничего плохого не делают и в меру активны в рамках национальной миссии, причем из-за новообращенных в христианство серьезных конфликтов или столкновений в республике не было. По словам пасторов, представители власти больше заняты противодействием экстремистам, которые особенно активны в ряде районов, например, в Баксанском районе КБР. Экстремисты якобы создают свою «параллельную власть», собирают «дань» с местного бизнеса (как говорят, если доход больше 5 млн рублей, то надо платить, а производители и продавцы алкоголя платить должны обязательно).

Община пятидесятников-чеченцев существовала в Нальчике с конца 1990-х гг. до конца 2000-х (ее возглавляет пастор Сослан Кадиев). Члены общины занимались переводом Библии на чеченский язык. Однако впоследствии верующие разъехались и община распалась.

В РЦ ХВЕ также входит пресвитерианская церковь «Благодать» в Нальчике (корейское движение «Грейс»). Пастор — кореец Чу Сон Гил. Церковь существует в Нальчике с начала 1990-х гг., проводит активную миссионерскую и социальную работу. Большинство верующих составляют кабардинцы и балкарцы. В общине более 100 человек, есть свой Дом молитвы. Выходец из церкви «Грейс» пастор Юрий Шагенов (кабардинец) в 2000-е гг. создал свою автономную церковь, которая в том числе занимается национальной миссией.

б) **Церковь «Слово Жизни»** в Нальчике. Входит в РОСХВЕ. Центральная церковь находится во Владикавказе.

Церковь «Слово Жизни» возникла в Нальчике в 1998 г., основал ее миссионер Тимур Кукаев. В 2001 г. церковь тщательно проверялась властями во время перерегистрации. «Слово Жизни» принадлежит к пятидесятническому направлению, которое активно использует на богослужениях танцы и признает «святой смех» и другие экстатические проявления. По словам пастора, в церкви часто происходят исцеления наркоманов и алкоголиков.

Давид Петросян возглавил церковь в 2000 г. и считает, что в Кабардино-Балкарии евангелизацию проводить трудно из-за закрытости людей и тщательного надзора властей за всеми церквями в республике. Новообращенный кабардинец или балкарец считается, по словам пастора, отступником от традиций предков, под которыми понимается ислам. В общине есть кабардинцы и балкарцы, пастор признает возможность использования в общине национальных элементов, таких как танцы. Пастор полагает, что христианство в любом случае укрепляет национальную культуру всякого народа.

В Нальчике общину посещает около 30 человек. Собираются группы в Нарткале, Тереке и Заречном. Церковь организует переезд евреев в Израиль в рамках операции «Жаботинский» совместно с еврейской организацией «Сохнут».

с) **Церковь ХВЕ «Агапе»**. Входит в РОСХВЕ. Община харизматического направления.

д) **Церковь ХВЕ «Исход»**. Входит в РОСХВЕ. Служение «Исход» в Нальчике является частью Международного служения «Исход», активисты которого создают социально-духовные центры реабилитации наркозависимых, привлекают бывших зависимых к церковному служению.

е) **Субботствующие пятидесятники**. Общины в Нальчике, Нарткале. Есть два молитвенных дома в Александровке (микрорайон Нальчика), одна община более консервативная и закрытая, другая — менее. Субботствующие являются выходцами из Молдавии, переехавшими в КБР в 1990-е и 2000-е гг., как и все пятидесятники, признают говорение на иных языках, но почитают не воскресенье, а субботу в соответствии с ветхозаветной традицией.

Адвентизм

Церковь Христиан-адвентистов седьмого дня. Активная община в Нальчике. Дом Молитвы в Александровке. Всего пять общин по республике, по национальному составу — русские, кабардинцы, балкарцы.

Ислам

Официальные исламские общины объединены Духовным управлением мусульман Кабардино-Балкарии (ДУМ КБ). Глава ДУМ КБР — муфтий Дзасежеф Хазратали хаджи (с 2011 г.), заммуфтия — Алим Сижажов. С 1990 по 2002 гг. главой ДУМ был Шафиг Пшихачев, с 2002 г. по 2010 г. ДУМ возглавлял Анас Пшихачев.

Для кабардинцев и балкарцев характерно позднее и сравнительно поверхностное восприятие ислама. Нахождение на одном урочище христианских и мусульманских памятников и совершение здесь же языческих обрядов для многих жителей Балкарии и Кабарды остается нормальным явлением.

Одной из главных национальных особенностей адыгов (в т. ч. кабардинцев) является наличие своеобразного этического кодекса — адыгэ хабзэ. Адыгэ хабзэ является сводом правил семейно-бытовой и хозяйственной жизни, а также рыцарским кодексом чести. По мнению некоторых современных кабардинских идеологов, адыгская этика является единственной истинной национальной религией адыгов, ниспосланной Богом, под которым подразумевается языческий Тха, христианский Бог и Аллах. По мнению современного общественного деятеля и ученого Баразби Бгажнокова, именно адыгская этика сделала кабардинский ислам более веротерпимым и культурным, создала слой мусульманской интеллигенции — аристократии Кабарды, уничтоженной полностью при

советской власти. Бгажноков дает адыгское определение ислама: «Мусульманство — это соблюдение принципов адыгской этики, сопровождающееся знанием Корана, исполнением исламских обрядов и ритуалов. В традиционном общественном мнении обладающий мусульманством — культурный, интеллигентный и благочестивый человек, входящий, благодаря этому, в элиту адыгского общества. Такие отношения с исламом обогащают адыгскую этику, снабжают ее новым, еще более богатым духовным содержанием. Адыгство становится высшей реальностью и конечной целью бытия. «Создатель на небесах и дарованное им адыгство на земле» — таков традиционный символ веры адыгского народа. С другой стороны, это создает почву для утверждения гуманистического ислама, в котором доминирует культура мира, согласия, взаимопонимания»⁵. Понятие мусульманства для значительной части кабардинцев, сконструированное как смысловое производное от адыгства, предполагает соединение ислама и адыгэ хабзэ.

Во многих случаях адыгэ хабзэ считается важнее шариата. В этой системе этических норм важное место занимают традиции почитания старших («власть старшего равна власти Бога»), культ предков, воинская доблесть («из адыгского воина так же трудно сделать муллу, как из турецкого муллы — воина»), почитание гостя, культ семьи, а также обряды, связанные с пищей («пища важнее Корана»). В селах древние народные обычаи сохранялись на протяжении всех лет советской власти и заметно усилились в последние годы. Единственным обрядом, в котором в большой степени сильна мусульманская традиция, остаются похороны (хотя и этот обряд в определенной мере дополнен домусульманскими обычаями). Баразби Бгажноков отмечает, что адыгская этика вовлекает в сферу своего влияния религиозное сознание и подчиняет его. Это явление актуально для всех периодов исторического развития адыгов-черкесов (кабардинцы — пятигорские черкесы). Адыгэ-хабзэ обладает столь большой социально-бытовой ролью в Кабарде и в других адыгейских регионах, что адыгство было объявлено творением Бога. По мнению Бгажнокова, «в сознании основной массы черкесского населения — это способ бытия в мире, дарованный народу мусульманским Аллахом или языческо-христианским Тха, подобно тому, как самим Создателем спускаются народам священные писания. Поэтому считается, что человек, не соблюдающий заповедей адыгства, навлекает на себя гнев самого Бога. Распространены суждения типа: «Когда наши души покинут тело и предстанут перед Аллахом, он спросит с упреком: “Я даровал вам адыгагъэ, чтобы вы жили в соответствии с его законами, почему же вы пренебрегли моим даром?”» Таким образом, адыгская этика сопоставима с непоколебимой национальной религией, которая лояльно и терпимо воспринимает мировые религии — ислам и христианство»⁶.

У балкарского народа (тюрков по происхождению) также существует свой народный этикет — тауадэт (горный адат), который столь же тесно связан с исламом, как и у кабардинцев.

Начавшееся в годы перестройки возрождение ислама постоянно находится в сложных отношениях с адыгэ-хабзэ. Эти отношения могут принимать и форму симбиоза, и жесткого взаимного конфликта. Одним из проявлений сложности этих отношений может служить идеология лидеров основной национальной организации кабардинцев — Адэгэ Хасэ (Черкесского конгресса). Среди них есть сторонники мирного симбиоза и фактического равноправия адыгэ-хабзэ и ислама, первенства ислама или адыгэ-хабзэ.

В 1980 г. в Кабардино-Балкарии было лишь две официальные действующих мечети — в Нальчике (центр Кабарды) и в Кызбуруне (на балкарской территории). Начиная с 1985 г. наблюдается постепенное увеличение числа мусульманских объединений. К концу 80-х гг. число мечетей увеличилось до девяти. В 1989 г. Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСКД), существовавшее в советские времена, распалось на семь самостоятельных республиканских духовных управлений. В 1990 г. в Нальчике состоялся 1-й съезд мусульман КБР. На нем было образовано Духовное управление мусульман Кабардино-Балкарии. Основным кандидатом, которого поддерживали власти, национальные кабардинские организации и кабардинское духовенство, был Шафик Пшихачев, единственный кабардинец, имевший хоть какое-то мусульманское образование и закончивавший в то время учебу в Сирии. Балкарцы выдвинули Шарафутдина Чочаева. Пшихачев взял самоотвод, по его предложению муфтием был избран репатриант из Иордании Мухамед Жуанж, а заместителем — Чочаев. Через год, доучившись, Пшихачев возглавил муфтият. Чочаев остался заместителем с широкими полномочиями. Как раз в это время разгорелся конфликт между кабардинцами и балкарцами. Пшихачев сохранял в этом конфликте нейтралитет, к тому же подчеркивая роль Чочаева. В результате такой политики удалось избежать раскола муфтията на кабардинский и балкарский. С тех пор муфтий — всегда кабардинец, единственный зам. муфтия — балкарец.

В 1992 г. президентом КБР был избран Валерий Коков. С этого момента сложилась прочная симфония муфтията с республиканской властью, несмотря на то, что в республике существовала влиятельная оппозиция Кокову. Пшихачев последовательно проводил политику возрождения ислама, как он ее понимал: максимальное сотрудничество с властью, союз с Адэгэ Хасэ и другими общественными организациями. Все это предполагало и идейный компромисс с адыгэ хабзэ, с общественным мнением.

В 1992 г. началась разработка проекта по строительству в Нальчике крупного общественно-религиозного центра, где предполагается разме-

стить ДУМ КБ, исламский университет, молельный зал на 1,5 тыс. мест, зал бракосочетаний, конференц-зал, библиотеку, книгохранилище, типографию (архитектор — Заур Магуев). В 1994 г. мусульмане республики с участием президента республики В. Кокова, представителей общественных организаций, районных и городских органов власти заложили первый камень этого религиозного центра.

Пшихачев выступал против введения норм шариата. Он считал, что шариатские нормы следует воспринимать «духовно», «символически». По выражению одного из руководителей ДУМ, «шариатское законодательство здесь никогда не получится. Нам шариат не нужен, если будешь к этому призывать, то обманешь народ. В Мекке даже бесплатно не будут жить». Суфийская традиция, по словам заместителя муфтия Тахира Атамурзаева, «является интеллектуальной традицией ислама, а суфизм имеет свои исторические корни в Кабарде. Суфийская традиция еще почитается в селах среди стариков, в Кабарде — суфийские шейхи из Дагестана до революции внесли в ислам особую философскую глубину». Лидеры Духовного Управления надеются, что им удастся создать такую культурную атмосферу, «которая существовала в Кабарде до революции в среде кабардинской мусульманской интеллигенции, когда шариатское судопроизводство сочеталось с местными традициями, а ислам считался самым мягким, веротерпимым и лояльным по отношению к России на Северном Кавказе». Пшихачев придерживался либеральных взглядов на ислам, склонялся к внедрению европейских ценностей в мусульманское мировоззрение, считал себя скорее единомышленником либерального муфтия Талгата Таджуддина, чем Равиля Гайнутдина.

В 1990-е гг. основными направлениями политики исламских лидеров Кабардино-Балкарии были организация мечетей во всех населенных пунктах (что к 2010 г. было достигнуто), развитие мусульманского образования и подготовка собственных преподавательских кадров в различных учебных заведениях, прежде всего, на Ближнем Востоке. В 1991 г. в Нальчике открылась первая официальная школа-медресе, которая в 1993 г. была преобразована в Исламский институт. Институт менял названия, периодически то закрывался, то открывался. В первые годы наблюдался большой наплыв желающих получить духовное образование, в 2000-е гг. набор студентов крайне мал — профессия имама обрекает на нищенское существование. Около сотни студентов из Кабардино-Балкарии проходили обучение в Саудовской Аравии (Университет Мохаммада бен Сауда), Египте, Сирии, Иордании и Турции. Поддержку мусульманским общинам оказывали благотворительные арабские организации, аккредитованные в республике, такие, как Международная организация «Спасение», Всемирная ассамблея исламской молодежи «ан-Надва» и другие.

При содействии Саудовской Аравии в Нальчике был создан Центр исламской молодежи, организовано отделение Международной организации по спасению ислама «Дагуат». В штате «Дагуат» работали до 50 сотрудников, закрепленных за конкретными населенными пунктами. Деятельность и планы организации координировались Духовным Управлением и Советом раис-имамов КБР. Основным объектом пропагандистской деятельности были детские сады и школы. Как сказал кади Духовного Управления КБР Аль-Хадж Шарафутдин Чочаев, «через детей мы надеемся влиять на родителей». Изучение основ ислама постепенно вводилось во всех общеобразовательных школах республики. Официальные медресе, кроме г. Нальчика, были открыты в г. Баксане, пос. Куркужин Баксанского района, пос. Сармаково и Камлюково Зольского района. Расширенное обучение исламу детей всех возрастов осуществлялось в г. Тырныауз.

В КБР с середины 90-х гг. сформировалась легальная оппозиция руководству ДУМ, которую обычно называли «молодые мусульмане». Для них истинная вера — это чистый ислам, без примесей народных обычаев и суфийской традиции. А шариат является нормой мусульманской жизни, идеалом, которого, по возможности, нужно достичь. Лидеры оппозиции в первые годы официально состояли в ДУМ. Неформальными лидерами оппозиции были имам-хатыб мечети в Вольном Ауле (около тысячи прихожан) Муса Мукожев, ученик Ахмада-кади Ахтаева, одного из учителей умеренного ваххабизма, и Анзор Астемиров, игравший роль главного идеолога движения. Муса Мукожев до 2000 г. был главой закрытого властями исламского центра, который занимался изучением арабского языка и чтением Корана. Оппозиционеры обвиняли ДУМ в губительной, по их мнению, для ислама в республике лояльности властям, в том, что руководство муфтията не отстаивает интересов мусульман перед властями, а его руководство не придерживается ортодоксального ислама. Сторонники Мусы Мукожева и Анзора Астемирова считали, что ислам в Кабардино-Балкарии должен возрождаться с чистого листа. Если в Кабарде и была какая-то суфийская традиция, то ее следует забыть, а местные народные традиции, связанные с адыгской этикой, не должны противоречить исламу, тем более что, по мнению противников ДУМ, все лучшее есть в «чистом исламе». Применение ислама, по их словам, должно быть полным, но путем образовательного и культурного роста верующих.

В первые годы своей активности противники ДУМ выступали только за мирные методы достижения своих целей. Многие люди, в том числе христианские священники вспоминают Анзора Астемирова как очень открытого, вежливого и хорошо образованного человека, с которым было интересно дискутировать. Но уже тогда наиболее радикальные представители исламской молодежи становились боевиками, выступающими

за идею исламского государства. Во второй половине 90-х гг. в кабардинском исламе стали проявляться экстремистские тенденции, которые вызвали со временем ответную реакцию сопротивления со стороны властей и значительной части общества. Первым вылеском зрешего в мусульманской среде неприятия «придворного ислама» стал поход амиара А. Каздохова на ДУМ в 1996 г. Причеш Каздохов угрожал ДУМу «штыками правохерных». Каздохова останохили, но его нелепый поход положил начало движению исламских экстремистов и террористов. В 1997 г. была совершена попытка взорвать памятник 400-летию присоединения Кабарды к России. В 1998 г. была разгромлена банда ваххабита А. Атабаева; вскоре после этого было обстреляно из гранатомета здание МВД. В начале 2000 г. от Мукожева откололись сторонники террористических действий братья Аслан и Руслан Беккаевы, к которым присоединилось около 300 радикальных ваххабитов. Беккаевы установили тесные связи с карачаевскими ваххабитами-террористами, которых возглавлял Хызыр Салпагаров. Объединение произошло в середине 2000 г. В качестве общей базы была выбрана заброшенная ферма на плато Бечасын на границе Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Грузии. Там была оборудована военная база. Боевики Салпагарова и Беккаевых совершили ряд террористических актов на территории Северного Кавказа. В течение 2001 г. группировка Салпагарова-Беккаевых была разгромлена. Братья Беккаевы и ряд их сторонников бежали за границу. Другие были арестованы, погибли или скрылись в Чечне⁷.

Убийство в мае 2001 в г. Тырныаузе православного священника Игоря Розина балкарцем радикально мусульманских взглядов произвело сильное впечатление на общественность республики. Убийца был признан невменяемым по причине психического заболевания, но это не сняло возникшего напряжения.

Опасность «ваххабизма» и экстремизма в Кабардино-Балкарии власти и общественность связывали в 90-е гг. в основном с полуполеальными общинами и с подпольными группами, которые возникали спонтанно и в результате деятельности чеченских и ближневосточных проповедников «чистого ислама» и «священной войны» с «неверными» в России. По словам главы ДУМКБ муфтия Шафига Пшихачева, в республике «есть подпольные амиры, собирающиеся создавать халифат». «Это неформальные молодые люди, которые очень не любят слово «ваххабит», но очень похожи на них.» Наличие независимых исламских организаций вызывало беспокойство у муфтия. В декабре 2002 г. Шафиг Пшихачев, не выдержав давления со всех сторон, добровольно ушел в отставку. Муфтият возглавил его родственник Анас Пшихачев, которому и пришлось лицом к лицу столкнуться с радикальной оппозицией.

В конце 90-х гг. возникла оппозиционная структура — Джамаат Кабардино-Балкарии, которая в любой момент была готова заменить действующую административную систему официального муфтията. В его организации были те же управления, что и в администрации президента Кабардино-Балкарии. Джамаат Кабардино-Балкарии был создан имамом мечети селения Вольный Аул Мусой (Артуром) Мукожеввым, который и стал его первым лидером (амиром). Джамаат имел четкую структуру подчинения: лидер, его заместители (наибы), старшие групп, каждый из которых выполняет те или иные обязанности — руководство физической подготовкой рядовых членов джамаата, религиозное обучение (чтение лекций и проповедей) и т. д. По данным правоохранительных органов, отделения джамаата существовали практически во всех районах, объединяя до 10 тыс. человек.

С самого начала деятельности джамаата его руководители противопоставили себя официальному Духовному управлению мусульман Кабардино-Балкарской Республики, республиканским властям и правоохранительным органам.

К 2004 г. центрами радикальной исламской оппозиции стали села Сбрун-3, Куба-Таба, Вольный Аул, где молодые исламисты физически выдавили последователей традиционного ислама из мечетей («НГ Регионы», 19.01.2004). Пиком роста экстремистско-террористической активности стали события середины нулевых годов. Первое из них — выявленный факт длительного пребывания лидера чеченских террористов Басаева в КБР, закончившийся осенью 2003 г. неудачной попыткой его задержания.

В ответ на рост экстремизма со стороны властей приблизительно с 2000 г. усиливается политика преследования исламистов и ограничения деятельности мусульманских организаций.

В 1999 г. был принят республиканский Закон о свободе совести. По признанию консультанта по религиозным организациям Хаджимурата Езиева, требования Закона разработаны специально для контроля деятельности мусульманских общин. Для регистрации религиозной организации, согласно Закону, требуется 50 человек, а не 10 человек, как в федеральном Законе. Религиозные группы, могущие существовать без регистрации по федеральному Закону, законом КБ не предусмотрены, любое религиозное объединение граждан имеет право на существование только в случае прохождения регистрации. Эти ограничения вызвали трудности в перерегистрации мусульманских общин в 2001 г.: десятки из них подверглись тщательной проверке.

Опасения вызвала поддержка, которую мусульманским общинам оказывали арабские организации, аккредитованные в республике. В течение нескольких лет после 2000 г. по распоряжению властей все исламские центры, за исключением исламских компьютерных курсов, были закрыты. Любая деятельность мусульман стала легальной только в рамках ДУМ.

Во второй половине 2003 — 2004 г. против руководителей и членов Джамаата КБР были предприняты активные силовые действия — массовые обыски, задержания — в связи с появившейся информацией о том, что на территории республики длительное время практически открыто находился командир чеченских банд Шамиль Басаев.

Было пересмотрено решение о строительстве исламского центра в Нальчике. Власти сочли, что внушительный исламский центр в городе не нужен, и выделили мусульманам под мечеть бывший кинотеатр на окраине города. Общественная активность мусульман 90-х гг. была также поставлена под контроль властей. Большинство мечетей было разрешено открывать только по пятницам и только на полтора часа. Муфтий Анас Пшихачев с возмущением отмечал, что после 2000 г. контроль со стороны властей над жизнью мусульманских общин стал слишком жестоким. («По устному распоряжению главы МВД республики милиционеры опечатывают мечети, запрещают посещать мечети иногородним, ведут запись прихожан, — отметил муфтий КБР Анас Пшихачев. — Милиция не раз заявляла о фактах обнаружения в наших мечетях оружия, бронежилетов и мишеней для стрельбы, но пока не представила доказательств. Под подозрение попали десятки мечетей, молодых людей без всяких на то оснований задерживают, избивают и запугивают» («НГ Регионы», 19.01.2004). Вместе с тем Анас Пшихачев несколько непоследовательно заявлял о том, что эта деятельность властей одновременно имеет позитивную сторону: она направлена против распространения ваххабизма в республике. В частности, муфтия вполне устраивает то, что участковые милиционеры следят за тем, чтобы проповедь в мечетях проводилась только с разрешения Духовного управления КБР.

Кадровая политика муфтията с тех пор находится под полным контролем властей республики, которые стремятся сделать ДУМ органом, которому все мусульманские общины в Кабардино-Балкарии полностью подвластны. Выборность имамов в общинах строго регламентирована: избранный членами джамаата (общины) имам должен пройти утверждение у раис-имам (районного имам) и получить аттестацию в Духовном управлении, где для этого существует специальная комиссия.

Однако террористическая деятельность радикалов только набирала силы. После разгрома Кабардино-Балкарского Джамаата ведущая роль в ваххабитской оппозиции муфтияту и светским властям перешла к джамаату «Ярмук». Основой джамаата «Ярмук» стали десять жителей Кабардино-Балкарии (среди них Адамей Джаппуев) во главе с Муслимом Атаевым, возвратившиеся в 2002 г. в КБР из Грузии, где в Панкисском ущелье они примыкали к отряду чеченского полевого командира Руслана Гелаева.

Первое столкновение правоохранителей с боевиками джамаата относят к бою 18 августа 2004 г. в Чегемском районе республики, когда их

группировка численностью в несколько десятков бойцов попала в окружение, из которого сумела вырваться; боевики тогда потеряли двоих, а федеральные силы — троих убитыми, пятеро получили ранения. 14 декабря 2004 г. в Нальчике под руководством Астемирова и Горчханова боевиками Ярмука было совершено вооруженное нападение на дежурную часть управления Государственного комитета по контролю за незаконным оборотом наркотиков, тогда Горчхановым были убиты четверо полицейских, боевики захватили более 250 единиц оружия (80 автоматов и 182 пистолета, а также свыше 25 тыс. патронов). В ходе расследования были получены показания против нескольких руководителей, в том числе Анзора Астемирова, который скрылся от правоохранительных органов, как и его руководитель — Муса Мукожев. После спецоперации в Нальчике в январе 2005 г., когда был убит лидер Ярмука Муслим Атаев, «Ярмук» был объявлен полностью уничтоженным. Однако впоследствии оказалось, что это не так. С 2005 г. «Ярмук» входил в состав Кавказского фронта — объединения диверсионно-террористических организаций, действующих на территории всего Северного Кавказа. Руководство «Ярмуком» перешло к Астемирову и Горчханову.

В 2005 г. Валерия Кокова на посту президента КБР сменил Арсен Каноков. Каноков пошел на некоторое смягчение религиозной политики. Власти пошли навстречу ДУМ КБР и дали ход некоторым мусульманским инициативам при условии жесткого контроля со стороны правоохранительных органов. Ослабли жесткие зачистки в мечетях. Возобновилось строительство исламского центра. Но в условиях непрекращающихся терактов у нового президента было узкое поле для маневра, и попытки смягчить позицию исламистов не дали серьезных результатов.

Радикальное исламское движение уже приобрело свою инерцию. В 2005 г. кабардинские исламисты совершили свою самую дерзкую и кровавую вылазку. Утром 13 октября 2005 г. несколько групп вооруженных исламистов совершили нападения на органы власти и правоохранительные учреждения в разных районах города Нальчика. Бои шли более суток, после чего последние очаги сопротивления мятежников были подавлены. В результате террористического нападения погибли 92 участника нападения, 12 мирных граждан и 35 представителей силовых структур. Нападением на Нальчик руководили Астемиров и Горчханов.

В августе 2006 г. после ожесточенного боестолкновения исламистов со спецслужбами в пригороде Нальчика начальник управления ФСБ РФ по КБР генерал-майор Сергей Ушаков сообщил, что в КБР продолжают действовать подпольные экстремистские организации — джамаат «Ярмук» и так называемая «Республиканская Шура», которые возглавляют лидеры бандподполья Анзор Астемиров и Мусса Мукожев, объявленные

в федеральный розыск после нападения на Нальчик в октябре 2005 г. («НГ», 14.08.2006).

В ноябре 2006 г. Анзор Астемиров, руководивший нападением экстремистов на Нальчик в декабре 2004 г. и в октябре 2005 г., разместил свое обращение к властям России в интернете. Он объявил Кабардино-Балкарию зоной боевых действий и пообещал в ближайшее время провести масштабные теракты на ее территории. Но начать масштабную террористическую кампанию «амир Кабардино-Балкарии» пообещал с уничтожения «предателей»: крупных чиновников республики, священнослужителей, бизнесменов, поддерживающих власть. Астемиров заявил, что в ваххабитское подполье якобы входят не только рядовые граждане Кабардино-Балкарии, но и представители силовых структур, правоохранительных органов, которые помогают возрождению исламской республики.

В мае 2009 г. в перестрелке с милицией был убит Муса Мукожев. В марте 2010 г. лидер джамаата Астемиров погиб в бою с представителями правоохранительных органов.

Несмотря на потерю лидеров, исламистам удалось расправиться с муфтием КБР. 15 декабря 2010 г. Анас Пшихачев был убит в Нальчике. 15 марта 2011 г. на внеочередном съезде мусульман республики председателем Духовного Управления мусульман (муфтием) был избран Хазретали Дзасежев. Дзасежев продолжил политику своего предшественника.

После гибели лидера джамаата Астемирова в марте 2010 г. и почти одновременного уничтожения в КБР нескольких его ближайших соратников им на смену пришли новые исламисты, вместо «Ярмука» организовавшие Объединенный вилайят Кабарды и Карачая Имарата Кавказ. Фактически, как отмечается в прессе, они находятся на «самофинансировании»: обложили «налогом на джихад» местных предпринимателей под угрозой расправы.

В феврале 2011 г. боевики сорвали курортный сезон в поселках Приэльбрусья, совершив ряд терактов, подорвав канатную дорогу в Эльбрусском районе и расстреляв там же спустя несколько дней группу туристов из Москвы — в ряде районов КБР был введен режим контртеррористической операции, действовавший вплоть до ноября. К ноябрю 2011 г. республиканского Следственного комитета Валерий Устов заявил, что указанные теракты фактически раскрыты, часть причастных к ним уничтожена в ходе спецопераций, а часть находится в розыске. По словам Устова, криминогенная обстановка в республике остается сложной, на предложение властей боевикам сдаться не явился ни один человек, местные жители не выдают боевиков даже за обещанную награду до 2 млн рублей («Известия», 21 ноября 2011 г.). 26 января 2012 г. боевики ворвались в спортзал школы в центре Нальчика, где старший лейтенант ВВС Денис Николаев играл в волейбол с приятелями, и устроили над ним показательную казнь.

По данным спецслужб, акцию провели члены подполья из числа остатков местного джамаата «Ярмук».

С тех пор в Кабардино-Балкарии регулярно происходят вооруженные вылазки террористов. Новых ярких лидеров, подобных Астемирову и Мукожеву, у исламистов больше не появлялось. Силовики регулярно объявляют о ликвидации новых малоизвестных лидеров, но после этого спокойно не становится. Республика находится в состоянии вялотекущей гражданской войны. Ваххабитские настроения широко распространены среди учащихся средних школ, техникумов и вузов республики. Как пишет Аккиева, согласно различным опросам, около 30 % учащихся кабардинской и балкарской национальности разделяют ваххабитские настроения или сочувствуют им, причем кабардинцы более религиозны, чем балкарцы. За последние 16 лет в ислам обратились несколько десятков русских, некоторые из них присоединились к боевикам. Неудовлетворенность федеральных властей неэффективностью борьбы с терроризмом привела к смене главы республики. В декабре 2013 г. главу республики Канокова сменил Юрий Коков, большую часть жизни проработавший в правоохранительных органах. Эксперты ожидают, что это назначение приведет к ужесточению политики по отношению к исламским экстремистам.

Борьба силовиков с террористами — это не изолированная борьба этих двух групп. Среди кабардинской и балкарской общественности и интеллигенции растет страх за будущее своих народов и республики в целом. Люди боятся, что их земля превратится в арену полномасштабной кровавой войны, как это случилось в Чечне и Дагестане. Авторам приходилось говорить с видными представителями кабардинской интеллигенции, принципиально решившими публично никак не высказываться о религии, чтобы (не дай Бог) не подлить масла в огонь. Растянувшееся на многие годы строительство громадного исламского центра в Нальчике вызывает заметные протесты части общественности, опасющейся, что этот центр может превратиться в рассадник исламизма.

В трудном положении оказались последовательные сторонники адыгэ-хабзэ. Наиболее видным и популярным среди них был этнограф, доктор филологических наук Арсен Ципинов. Ципинов занимался на практике восстановлением полного круга языческих праздников и древнекабардинского мировоззрения. Ципинов заведовал отделом Черкесского фольклора в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований и читал лекции в Кабардино-Балкарском государственном университете. Он часто проводил в Нальчике черкесские (адыгские) фольклорные праздники, пропагандировал традиционные черкесские ценности и противостоял исламизации общества. Идеология Ципинова включала в себя идеи открытости всеми миру, его духовным и культурным ценностям. Подобная позиция находит серьезный отклик у значительной части интел-

лигенции, гордящейся светской кабардинской культурой. Такие видные деятели искусств, как музыкант Борис Темирканов, скульптор Михаил Шемякин, постоянно проживающий в Испании художник Мухамед Кишев не утратили связи со своей родиной, участвуют в развитии культуры республики и являются предметом национальной гордости кабардинцев.

Ципинов как никто резко выступал против исламизации: «Ни в одну эпоху, ни в одно время, ни в одно столетие никакая религия, ни христианство, ни ислам, не взяли верх над нашим народом... Нас огнем и мечом пытались исламизировать... Наши предки, уже наученные опытом общения с миссионерами, которые несли христианство в нашу среду, сказали: “Религии приходят и уходят, а мы остаемся со своим народом”»⁸. В конце нулевых годов деятельность Ципинова вызвала горячую полемику в нальчикских СМИ. Заголовки газет того времени: «Кто ведет нас к язычеству?», «Кто не хочет, чтоб кабардинцы были мусульманами?». Взгляды Ципинова вызвали осуждение не только сторонников чистого ислама, но и многих традиционно мыслящих людей.

29 декабря 2010 г. Ципинов был убит боевиками. Вскоре после убийства в Интернете появилось заявление убийц Ципинова, в котором утверждалось, что Ципинов был врагом ислама и совращал исламскую молодежь. В марте 2011 г. появилось официальное сообщение, что убийца Ципинова амир Ратмир Шамаев был ликвидирован силовиками. После убийства Ципинова движение возрождения идентичной кабардинской духовности резко пошло на спад. Сторонники его взглядов прекратили или резко ослабили свою деятельность не только из соображений личной безопасности, но и в силу своей идеологии — превыше всего сохранение народа, которому угрожает межрелигиозный конфликт: лучше отступить, чем губить народ в кровавом конфликте.

¹ Очерк истории ислама кабардинцев и балкарцев с древности до перестройки представляет собой компиляцию работ: Аккиева С. И. Ислам в Кабардино-Балкарской республике. Москва : Логос, 2009; Мукожев Ф. Л. Ислам в новейшей истории кабардинцев : дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик : Кабардино-балкарский гос. ун-т, 2009.

² Бабаев С. К. К вопросам истории языка и религии балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 2000, с. 147–190.

³ А. Мукожев. Ислам в новейшей истории кабардинцев : дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2009.

⁴ Н. Емельянова. Ислам как фактор формирования этнорелигиозной идентичности у кабардинцев. М., 1998. С. 17.

⁵ Б. Х. Бгажноков. Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 85.

⁶ Б. Х. Бгажноков. Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 84.

⁷ Григорий Пунанов. Ваххабитское подполье. Партизанский джихад против России продолжается // Известия. 2002. 13 мая.

⁸ «Гушхуэ Тхьэшхуэ и жагбуэ» : интервью Ольги Мальбаховой с Асланом Ципиновым. 4 июля 2012. URL: <http://adigasite.com/archives/1668>.

Библиография

Аккиева С. И. Ислам в Кабардино-Балкарской республике. М. : Логос, 2009.

Бабаев С. К. К вопросам истории языка и религии балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 2000.

Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999.

Емельянова Н. М. Мусульмане Кабарды. М., 1999.

Н. Емельянова. Ислам как фактор формирования этнорелигиозной идентичности у кабардинцев. М., 1998.

Малашенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.

Малашенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001.

Мукожев Ф. Л. Ислам в новейшей истории кабардинцев : дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик : Кабардино-балкарский гос. ун-т, 2009.